А

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ

Л631
161

СЛОВО О ПЕРВОМ ДЕПУТАТЕ

★

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Народного Комиссариата
Обороны СССР
Москва — 1946

ЛБ31
161

ЛЕОНИД ЛЁОНОВ

СЛОВО О ПЕРВОМ ДЕПУТАТЕ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Народного Комиссариата Обороны СССР
Москва — 1946

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

823974

Редактор Е. Р. Рамм
Технический редактор Е. Н. Еремеева
Корректор Е. К. Снигирев

Г07035. Подписано к печати 28.1.46. Изд. № 535. Объем 3/4 п. л.
0,7 уч.-изд. л. В 1 п. л. 44 000 тип. зн. Зак. 53.

1-я типография Управления Воениздата НКО
имени С. К. Тимошенко

Без остановки мчится время, даже когда мы спим или любим. Возница-время гонит своих коней, и, как глянешь порой под их стремительные копыта, — до боли зарябит в глазах и дух захватит от щемящего встречного ветра. И как это ухитряется удержать в себе всё это наша память!.. Только что, скинув с себя бушлаты, кидались в контратаку, на колючую вражескую оборону севастопольские моряки... но вот уже шелестят в небе цветные шелковые звезды московского салюта, а через минутку всё позади: и плывучие зарева Смоленщины, и осатанелый дребезг боя, и даже слезы сироток и матерей, обладающие жестоким свойством высыхать под солнцем победы... Было или не было?

И снова ни копотинки в девственном небе января. И чуть растерянная послевоенная тишина, как громадный демобилизованный солдат, не знающий, за что ему приняться сначала. И пахнет свежей сосновой щепой морозный воздух. И уже нарядные, краше прежних, избицы пестрят на зловеще обугленных пустырях. И скоро по-

зовут на пироги бесчисленных свадеб, крестин и октябрин. Скоро молоденькое советское племя, как веселая озимь, подымется в пространствах наших, и еще раз, из края в край, пройдется круговая всенародная чарка за удаль отцов, за нашу нетускнеющую мечту, за нынешнего её хранителя и отца. То-то будет плясу и здравиц, песня всхлынет под самые облака, и барабанно взгудит земля, и леса зашатаются, как хмельные. А уж мы поднажмем, товарищ, чтоб было чем отгулять на том главном пиру и чем одарить молодых на разживу, пока не запустят в почву собственных корешков. Полны карманы и закрома насыплем мы им и уголька, и нефти, и спелого пшеничного зерна, и доброй стали на з у б о к, — без чего не растут нынче великаны. — Исправному родителю нет ничего отрадней счастливого смеха его ребяток.

— Торжествуй, юность, отвоеванная у всесветного злодейства!..

Всё это будет лишь завтра, когда начнет выкладывать свои дары победа, а пока — останови своих коней, возница! Хотим сойти и постоять в молчании минутку на самом важном перегоне нашей жизни. Хотим оглянуться на дорогу, которую на чортовых скоростях мы проскакали в четверть века. Хотим проститься с павшими героями, что, как факелы, пылают позади в невыразимом, огнедышащем мраке минувшей войны; отныне при свете их школьники мира станут читать учебник

новейшей истории. Хотим, наконец, поклониться минувшему старому году, славно потрудившемуся на победу. Станем в круг притихшие и строгие, окинем друг друга ревнивым братским глазком, много ли юности выпили из нас четыре страшных военных зимы.

Оттого ли, что равномерно и поровну стареет поколенье, мнится мне, что все те же вы, мои современники, как и семнадцать лет назад, когда лишь начиналось сталинское преображение страны. Только сильней засеребрились головы стариков да возмужалость политической зрелости проступила в облике советской молодежи. Что ж, воинская деятельность была в эти годы вершиной государственной деятельности, как ее понимаем мы. Правда, солдаты еще не смыли порохового нагара со своих рано огрубелых и прекрасных лиц, не сошли пока кровавые мозоли с милых, хлопотливых рук наших сестер и матерей. Но я объездил много чужих городов и не нашел лиц юнее и красивей наших. Значит, подвиг умножает стократ человеческую пригожесть, а юность измеряется не количеством отжитых дней, а величием дел, которые надлежит ей совершить впереди. Будем же завтрашние наши дела равнять по вчерашним!

Для этого давай оглянемся, товарищ, на наши прежние свершенья. Давно ли гремела сталинградская канонада и танки с двух сторон смертно сшибались на Курской дуге? Давно ли волчьи

стаи безнаказанно промышляли на дорогах двух смежных материков, а вот уже и клока не осталось от главного фашистского поганца, — хоть бы зубок его найти, что за штука такая, которую он сбирался вонзить с наскоку в наше горло. Глядишь, уж и солнышко по-февральски крепнет в весенеющем небе, ибо по слову древней Кормчей книги именно солнце старается пожрать этот символический волк. И слизнул бы, каб не мы!.. И вот волчьи атаманы надежно сидят в нюрнбергских казематах, зализывая плешины да подпалины на боках. И снова в сборе наша семья, и отец наш с нами, и наши клинки пуще прежнего сверкают на зорьках, шлифованные о шершавые загривки фашистских скотов. И есть у нас нынче время снова созвать со всего отечества знатных людей, достойных по разуму, дарованью или мастерству слиться в единый мозг государства. — Здесь народ мой и совесть велят мне сказать слово о товарище Сталине, первом депутате нашей земли.

Не море я, даже не ласковое северное озерко, чтоб отразить хоть в малой доле величие светила, видимого ныне со всех краев вселенной. В большой реке народной жизни я только капля, которой коснулся живительный и острый луч звезды. Люди моего возраста засвидетельствуют правду моих слов: они еще застали старое, помнят жестокую, такую напрасную русскую тоску о несбыточной правде. Мы все были зачаты еще в по-

темках мира, и нам дано поэтому сравнить недавнюю полночь и нынешний полдень России. У меня также нет возможности перечислить одну за другой все даты сталинской деятельности, потому что каждою из них обозначена целая полоса нашей общественной мысли. Мое дело сегодня — вычертить на полном взлете поэтическую орбиту звезды, проходящую перед нами... Конечно, моя здравица Сталину пропитана звучаньем лишь великорусского слова, но пусть на всесемейном торжестве и остальные советские народы устами своих поэтов вырастят во славу его цветы человеческой речи. И чего не доскажет наше перо, про то с избытком восполнит песня.

Не вчера мой народ поселился на своей великой равнине. Мы обращаем взор назад, в первозданную петровскую метель. Свирепое пламя этого чернорабочего царя, на целый век разодравшее древний мрак России, потом отодвинулось в дремучую вечность и перестало согревать корни национального прогресса. Новая ночь нависла на чудовищных просторах наших. Ползучие крепостные гады поселились на теплой народной груди. Бились и в ту пору горячие набатные сердца, одно на миллионы забитых и несчастных человеческих особей, — нельзя считать за признак процветанья сытое брюхо удачливого хищника или даже нарядную духовную нищету устоявшегося рабства. Время наших прадедов стало тяжким, как будни кандальника, и удивления достойно, что

даже среди такой, на столетье затянувшейся зимы не угасали родники совести народной, бившие то — живой водой, а порою и чистым пламенем. И каждый раз на смену одному возникал другой, а иногда и в сотню голосов отзывалась им душа России. Нет, никогда не прекращалась эта подземная перекличка великих народных сил, погребенных под ледником крепостничества. Такие разные, Ломоносов и Радищев, Пушкин и Чернышевский, они шли к одной цели, умному народному благу, — как кровь отовсюду стремится к сердцу. Вот почему даже в самую глухую полночь на весь мир светились так таинственно и прекрасно арктические силы России...

...Всё медленнее, точно увязая в сугробах, двигался прогресс у нас в России. Уж нас опережали, над нами посмеивались, нас заранее примеряли к своему карману в качестве будущего военного трофея; уже пробовали померить и силу нашу, и, может быть, все войны предыдущих веков были одной сплошной р а з в е д к о й б о е м. Скажем прямо, если мы и учивали в ту пору чужие рати, то не соломенным царским могуществом, а лишь исконной русской доблестью, готовой с голыми руками выйти на лесного космача. Да и в невоенные былые годы не прерывалась эта мирная война за о с в о е н и е России — вспомним, какая недвусмысленная акционерная паутина тянулась от хилой нашей промышленности к зарубежным банкам. Чужеземная алчность, ляз-

гая стальными челюстями, волчьей рысцой бежала о бок с Россией, высматривая поживу в ее старомодных бедных пошевнях... Тут уж мало стало подстегнуть лошадок, чтоб с молитвой да оглядкой миновать опасную историческую трущобу. И уже лезло и с запада и востока что-то нестерпимо резвое и мелконькое, от чего мельтешило в очах у России. Эх, и махануть-то было хоть разок железным шкворнем, со всего плеча, да пусты были руки русского богатыря.

Именно у нас неминуемо должна была зародиться народная мечта о праведной стране, где нешумные молочные реки текут в кисельных берегах, где обитают жители особой строгой стати и светлой совести, где ни пиявицы в пруду, ни барина на горбу, — трудись и пой! «Хороша держава», — прадеды наши печалились, да ни адреска туда не дадено, ни словца заветного, чтобы тропку туда «отыскать». И уж до такой степени изождались, изверились, что только старые бабки, хранительницы наших святых преданий, внучаткам про то на печи сказывали: народится однажды у Родины безмерной силушки сынок, который подымет матушку в объятьях и в облаках перенесет ее в ту дивную сказку. А начнется это с одной заветной зорьки, когда всё проснется разом, люди и скованная зимой природа, и грянет на злую людскую бедуху тот долгожданный гром, о котором от века пелось в русской сказке и сказывалось в «Дубинушке». Так

выглядела крестьянская мечта о социализме даже в ту пору, когда я сам, шестилетним мальцом, катался в ледянке у себя, в деревушке Полухино, бывшей Калужской губернии.

Кто-то должен был открыть для человечества этот шестой, праведный материк социализма. Но сперва следовало определить его географические координаты — за горными хребтами, за немолчными морскими валами... о, Одиссею было бы ближе плыть между его Сцилл и Харибд! Мало того, требовалось заранее исчислить тамошние законы движения людских масс и исторических судеб, труда и товаров, идей и всего того, из чего в гармонической пропорции сплавляется человеческое б л а г о п о л у ч и е. Нельзя было принять на веру тот старинный, сомнительный мещанский сплав, из которого старое общество чеканило монету для расплаты с рабами. Полагалось разъять это понятие на составные части, тронуть их кислотами сложных социальных реактивов, измерить их абсолютный атомный вес, и лишь тогда заполнить в этической таблице пустующую клетку, над которой стояла наивная надпись—с ч а с т ь е! Словом, русские люди и те, кто объединил с ними свой исторический жребий, ждали универсальную и героическую личность, творца новой науки, который соединил бы в себе хотя бы Колумба, Менделеева и Коперника. Он пришел наконец, — это был Ленин. Он оснастил по-новому старый фрегат Российской империи и, сшив ему новые паруса,

стал его первым капитаном. Его смерть застигла нас, когда мы только что отошли от причала в открытый океан. Тогда Ленина сменил Сталин.

Имени Сталина во всех его делах предшествует имя Ленина, равно как имени Ленина, подобно горному эхо, отзывается в веках имя Сталина. Здесь мы раскрываем далеко еще не полную книгу этой большой жизни; пусть до конца дней, пока движется солнце в поднебесье, полнятся ее увлекательные страницы. Как и книга ленинской жизни, она начата в ту отдаленную эпоху, когда самый помысел о трудовом единстве людей представлялся созданием если не смешной, то во всяком случае отвлеченной мысли. Так ученые создают знание о космическом светиле, изучают его объем и скорость, но какому исполину удавалось дотянуться до него рукой, чтоб сделать достоянием людского племени?.. Это есть прежде всего книга титанического труда, и только наш народ, сам умеющий самоотверженно поработать во имя идеи, даже не доставляющей немедленной политической выгоды, может оценить подвиг Сталина. — Мы опускаем детство и юность гения, известные всякому школяру; вспомним только, как чист воздух в Гори, как глубоки снега в Новой Уде. Мы были маленькие тогда, мы еле помним, как, подобно лесному пожару, освободительное пламя охватывало империю; гасители в жандармских галунах притопчут его, бывало, на опушке, — оно с дерзкой яростью подымется в

глубине... и вот уже нехватало полицейских сапог покрыть полностью всю площадь Российского государства!.. Начнем прямо с того памятного года, когда из опустелой гавани старой истории Россия вышла в свой справедливый и бескрайний путь.

Не испытав законной гордости за наше историческое прошлое, мы ни на шаг не продвинемся вперед. — Это теперь имеются точные маршруты и лоции, по которым рано или поздно целой армадой поплывет человечество (— слишком уж изменился за полвека климат мира, прохладно и зазорно нынче гулять в нем попрежнему, в дикарских трусиках!). В ту пору вели нас, товарищ, верный ленинско-сталинский компас, проверенный в бурях 1905 года, да молодая отвага рабочего класса, да еще вера народная в орлиную зоркость глаза, в непреклонную твердость капитанской руки... Помнишь, вас сразу обняли океанские бури, смешались часы суток, дни и ночи, когда волна гражданской войны хлестнула через палубу, смывая обломки старого корабля, — трещали деревянные бока российского корабля. И хотя сменился потом безветрием этот первый шторм, оба капитана угадывали чортов смысл того коварного затишья. Куда в такую дальнюю дорожку, да на парусах!.. Дана была команда — не убавляя ходу, одеть корабль в броню, чтоб не раздавила враждебная стихия. Оказалось мало: ветер срывал обветшалую снасть, в преисподнюю

то и дело швыряло вас из-под облаков. Вы поставили в корабельное сердце все механизмы, какие нашлись под рукой у рабочего класса, но нехватало в них силы провернуть винты в сгустившейся бездне. Тогда почти из ничего, из воздуха Родины, из песен да из скудного пайка вы сотворили новые машины, и, верно, помнят ваши домохозяйки, сколько насущного хлеба нужно было уплотнить, чтоб получилась сталь требуемой маркировки. Три пятилетки вы не спали, и вряд ли за всю дорогу вздремнули толком хоть разок ваши рабочие подруги... Ни на минуту за весь рейс не покинул мостика бессонный и немногословный капитан. Жуть и стужа неизвестности леденили ваше сердце, — но улыбка и песня не сходили с ваших уст, чтоб не утратил он веры в свой народ, из которого черпал свою волю. Он вел напрямки отяжелевшее от сокровищ корабельное тело, даже когда океан выгибал перед ним свою крутую левиафанью спину; он вел и не спускал взора с путеводной звезды, которая была — Ленин. ...Мало было бы сто очей иметь, чтобы видеть на столетие вперед и на вершок вблизи.

Малодушных и ослабевших немедля смывало волной. Иные сговаривались в трюме предаться на милость волны, чтоб занесла на тихий островок, к укромному шалашику с подачей пива и ширпотреба. Они хватались за руль, подымали воровской нож во мраке такой непогоды, — народ нещадно спихивал их за борт: совсем вблизи вас

поджидали самые коварные рифы истории. На всем бегу через пучину вы перестроили свое экономическое оснащение для повышения устойчивости корабля... О, помнится, даже пыль не прежняя, а новая летала в ваших тесных пока, неблагоустроенных каютах! При этом следовало подружить — казалось бы, более полярные, чем вода и огонь, стихии, способные разнести в клочья иную социальную тару — вопросы личной и общественной пользы, многоязычного государства и национального процветанья, многовекового прошлого отдельных народов и стремительной братской новизны, и, наконец, добиться безопасного социалистического бытия в разноименном окруженьи. Еще тесней крестьянство сплотилось с рабочим классом: нынче и дураку внятно, что было бы без коллективизации, без сосредоточения двухсот миллионов воль в одном лезвее, которым рассекалась пучина. Так сколько же времени прошло с тех пор, как Россия легла на этот курс — тысячелетие или минута?.. Но к месту величайшего исторического испытанья подходила уже не прежняя, шитая на гвоздях, парусная посудина, а плавучая, вполне современная крепость, в которой каждая заклепка была умна, как человек, и каждый человек выглядел крепче стальной заклепки... Потом, все сразу, вы увидели пресловутые рифы фашизма. Они стояли наготове, в шахматном порядке, как танковые надолбы, — как шеренги отборных солдат встали они перед вами. Они и ро-

дились лишь для того, чтоб не пустить нас к праведной земле... И вдруг они сами, как в бредовом сне, сорвались, зашумели и, буровя водЫ, пошли в атаку. Хоть всем было известно, что большие клады, подобные нашей мечте, не даются даром, во многих из наших зарубежных друзей дрогнуло сердце — они ли, рифы, распорят наше стальное чрево, мы ли с ходу раскрошим их тяжестью накопленного могущества. Так началось э т о.

За четверть века кем только ни прикидывалась подлая бессмертная смерть, пытаясь потоптать самую честную и живучую поросль человеческого рода. Она рядилась в белых генералов на пышных конях или без оных, в трусов и капитулянтов, в сладкоголосую птицу-чаровницу, соблазнительно напевавшую о санаторном отдыхе для страны, уже разгоряченной созидательным трудом, в ползучую диверсантскую тать... и всякий раз, железною скребницей содрав ее непрочный грим, мы видели одно и то же, давно знакомое нам, костистое и с зубатым оскалом личико, которого, казалось, хоть кулак искровяни, ничем не проймешь. Теперь она оделась в голубой мундирчик со свастикой на рукаве, черную прядку клинышком наклеила поперек лба и клоунские усики над губою; она сменила прежнее, сенокосного типа, вооружение на иное, похитрей и посовременней; она раздвоилась, расчетверилась, размиллионилась... ни один самый ядовитый микроб не плодится так, как размножилась эта — даже не

в черные кулиги саранчи, а в несметные рати смертяшек! И у каждой из них имелся походный котелок на твоего куренка, вострый зубок на твое, пусть даже зеленое яблочко, ножичек на твое дитя, хомут и печка на тебя самого. Впрочем, куда там: они видели в нас даже не послушные рабские машины, но сырье для своих мыловарен, медицинских застенков и компостных куч. Им нужна была твоя шкура для обивки мебели, кровь твоих малюток для врачеванья недостреленных сквернавцев, локоны твоей невесты для их похабных семейных тюфяков. Хорош ты был в полной срамной своей наготе, распоясавшийся старый мир!

Когда на Нюрнбергском процессе переводчик шептал мне в микрофон о подробностях зверского фашистского изуверства, казалось мне — это совесть шепчет мне в ухо:

— Что, понял теперь, миленький, почему уголь, нефть и сталь полтора десятка лет не сходили с наших газетных столбцов? Потому, что из этих первородных грубых стихий, с прибавкой человеческого творчества, создается таинственный сплав свободы и счастья. Ими заряжаются пушки, они текут в крови державы... Теперь полностью дошло до твоего сердца вещее капитанское слово, сказанное в начале нашего похода к праведной земле: «либо мы сделаем это, либо нас сомнут»? И если ты металлург — не из твоей ли плавки родился снаряд, которым была окончательно рас-

ширена брешь в бетоне германской обороны. И если ты текстильщик — не твое ли прочное волоконце вплетено в петлю, в которой со временем повиснут нюрнбергские лиходеи. И если ты крестьянин, то, может быть, именно твоей щедрой горстью колхозной ржи были засыпаны глаза главной смертяшки... Бережно храни на груди этот университетский диплом сталинской науки!.. И если завтра снова повелит капитан удвоить засыпку хлеба в пазуху государства, утроить скорость станков, учетверить приплод твоих домен и мартенов — станешь ли ты теперь желать времени на перекурку да пряничка к светлому дню? Гляди внимательней на этих призраков фашистской ночи, пока не развеял их в прах приговор Трибунала. Тебя даже не засекли бы, из тебя выцедили бы твою жизнь, как из тюбика, по мере надобности для германского хозяйства... если бы не капитанская прозорливость и всенародное трудовое единство рабочих и служащих, солдат, крестьян и нашей отличной советской интеллигенции. Вот что бывает, когда пять разновеликих пальцев сжимаются в кулак!

И опять не станем перечислять всех этапов того беспримерного поединка со смертью. Мы все — как бирки, на которых каждый денек войны надежно зарублен для памяти. Кроме того, у солдат крепче, чем у поэтов, память на события последних лет... Были горестные дни вначале: помнится, черный иней свисал с деревьев в эту самую

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

пору, и хлебушко был черствей камня, и самая водка отзывала пригарью. Не меньше, чем добытую радость, береги эту светлую скорбь по родимой земле, попираемой ногами завоевателя!.. Со сжатыми зубами дралась Родина, и всё дралось в ней — воины и старухи, даже пылающие леса, даже самый воздух, раскаленный русским морозом досиня. Всё двигалось и сшибалось, и, может быть, только он один, Сталин, мыслитель и полководец, стоял так прямо и безмолвно, со своим бессонным штабом, посреди этого губительного вихря воющего железа, огня и разъятых тел. Он был видней всех врагу, как голова партии и армии, и потому это был самый передовой солдат в самой передовой цепи. Как на сторожевую твердыню рушились на него первее всех заботы, тревоги и прямая вражеская ненависть, и всякий из нас, как бы железен ни был он, сломился бы при этом, как тростинка. Вспомни, как качался маятник победы меж двух враждебных лагерей, и тогда стало необходимо в каждого вложить частицу капитанской воли, чтоб укрепить решимость к преодолению гибели; так от щепотки благородного вольфрама крепчает и становится несокрушимой сталь. И вот он роздал нам себя... Так сколько же нужно было иметь внутри, чтоб не иссякнуть, чтоб хватило на всех, чтоб по скольку осталось в каждом про запас. Не говоря уже о молодежи, иным стало душевное вещество и старшего поколенья. Это хорошо сознают и наши

всемирно знаменитые полководцы, и хозяева заводов, откуда, подобно вулканической лаве, круглосуточно извергались танки и пушки, — блистательные советские артисты и рекордсмены социалистического труда, преобразователи природы, и тот безвестный письмоносец, который понесет мое слово по всем капиллярам родины, — искатели горных богатств, конструкторы сторуких машин и строители вместительных палат для них, творцы слова и пахари колхозных нив, мастера атомной инженерии и сами высокие соратники его, на которых лежит его свет, как на его собственном челе почил навечно отблеск ленинского гения. И это есть правда наша, потому что имя Сталина сделалось нынче паролем победы, содержанием эпохи и биографией страны.

Не потому ли с его именем в сердце советские танкисты с таким упорством вгрызались почти в неприступные немецкие фронты, а наши летчики, пускай — один на шестерых, длинным огнем рубили вражеские эскадрильи? Не потому ли уже сомкнутые смертью не имена жены и детей, самого дорогого на свете, шептали холодеющие губы героя, а имя Сталина шептали они, ибо в этом слове заключено будущее Родины и оставляемой семьи? Вот почему выше всяких наград было нам его тихое поощрительное х о р о ш о, способное даже по радио, через десяток тысяч таежных километров, вздыбить морскую волну, двинуть сухопутное железо и воспламенить люд-

ские души... Вот мы открываем народам земли самую сокровенную тайну нашего могущества и механизм многократного чуда, происходившего на восточно-европейских полях сражений. Сегодня у нас день «открытых дверей», подобно тому, как это делают наши техникумы и университеты перед началом учебного сезона...

В миллиарды проницательных глаз глядите к нам, во глубину моей отчизны! Поднимитесь выше, еще выше, пока не замрет дыханье, чтоб охватить оком, всю сразу, вечереющую снежную ширь, где мелькнет изредка десяток белорусских хат с розовой колоколенкой посреди, да зеленая шерстка нерубленого, нехоженого леска, да путаная черная тропка, по которой бежит, доискиваясь моря, малая безымянная речка. Вы увидите на горизонтах горы — уральские и кавказские, кольские и памирские, — из апатитов и базальтов, извести и магнитного железняка, припорошенные снежком и слишком ничтожные по высоте для такой необъятной равнины. Натренированный глаз соглядатая различит также сотню — другую, может быть — даже сотню сотен новехоньких заводов, которые с над-птичьего полета напомнят вам всего лишь брызги туши на большом бумажном листе. Тогда закройте этот невероятный учебник мудрости и постарайтесь мысленно повторить, что именно довелось вам прочесть в этой сияющей и такой ёмкой странице. И если не сумели вы постигнуть, откуда же родится у нас т а к а я

песня, т а к а я титаническая идея об истинном призванье человека, и, наконец, т а к а я сила, готовая поднять с колен весь мир, поверженный перед алчностью, — так, значит плохо еще, пинками да увечьями, учила вас грамоте история за последние полвека, — значит, еще не сполна оплатили вы страданьем этот высший курс науки о людском благе... Однако, глубоко веруя в человеческий разум, знаем мы, что как отдельная особь через познание личной выгоды приходит к социализму, так и социальные мыслители планеты через познание национальных преимуществ доберутся когда-нибудь до мысли о всечеловеческом трудовом единстве. Бог в помощь вам, лысые и бородатые дети мира!

Сердясь и покачивая головой, история задает вопрос неспособному ученику:

— Ну, раскинь мозгами, сынок. Что же случилось бы, если бы Красная Армия не выстояла, если бы судьба не послала советским народам т а к о г о вождя на тяжелом рубеже новой эры, — если бы, наконец, неизмеримые площади России с ее запасами сырья и глубиной стратегического пространства стали тылами фашистского райха и головорезно-хунхузной империи японской?

...В силу вышесказанных соображений, прямой логики, сопоставления событий и документов, оглашенных в Нюрнберге, мы утверждаем, что история планеты выглядела бы в е с ь м а и н а ч е, если бы Сталин не возглавил величавого освобо-

дительного порыва народов России: нам было бы любопытно понаблюдать смелые цирковые кульбиты и флик-фляки инакомыслящих мудрецов в их попытках хотя бы частично доказать обратное. Перед человечеством стоял мрак небытия, чернее копотного зева бельзенского крематория, который в свое время превратил бы и оных мудрецов (если только сами они не фашисты!) в легковесный аспириноподобный порошок для удобрения немецкой капусты. Этою простейшею из аксиом мог бы овладеть при усилии даже не очень дряхлый колхозный конь... Дело не столько в поголовном порабощеньи, которым фашистская доктрина грозила миру; всякое реальное зло весьма недолговечно в сравненьи с вечным понятием добра и потому вынуждено постоянно менять форму атаки. Мы совсем не думаем также, что история человечества могла бы закончиться зрелищем нечесаной нордической твари, обгладывающей в некомфортабельной пещере сырую детскую кость. Внуки побежденных все равно голыми руками передушили бы одичавших, забывших про огонь добра победителей... Дело в основном замысле фашизма — превратить хотя бы на время все человечество в стаю борзых собак, и следовательно — в сумме тех усилий, которые впоследствии пришлось бы затратить человечеству для восстановленья утраченного. Кто знает, не потребовались ли бы новые Шекспиры и Ньютоны, Чайковские и Толстые,

Аристотели и Галилеи, чтоб втащить на прежнюю вершину тяжелую колымагу человеческой культуры? А такие люди приходят в мир поодиночке и далеко не каждый век!.. Поэтому, совсем не навязывая своих суждений другим народам, — нисколько не нуждаясь в самой элементарной признательности со стороны помянутых мыслителей, советские народы полагают, что это Сталин подарил людям вторично семьи и свободу, этот жгучий и свежий январский воздух, и все общенациональное достоянье наше, и все то, из чего составляется великолепное ощущение жизни.

Это и есть причина, по которой мои, русские, велели мне, своему поэту, поднять здравицу за Сталина в дни выборов в Верховный законодательный штаб страны. В благоговейном молчании и с непокрытой головой народ расступается, давая проход первому депутату Родины.

Стеснясь в братский круг, все мы смотрим теперь на человека, стоящего посреди своей семьи. Нам хорошо с ним. Он научил нас не щадить мелкого для достижения большого, и таким путем узнали мы нечто дороже жизни. Мы честно прожили эти годы творчества и борьбы, в которые тащили лемеха новой цивилизации по застарелой целине. Мы впрягли в тот плуг все, что имели, — свою раскованную силу и природные дарованья, и этот Человек шел первым, шел там, где не виднелось ни следа, ни борозды. Вместе с ним мы воздвигали нашу стройку, по пылинке

складывая одну на другую. И уже сегодня просторно и умно в этом доме, — мы ощутим его тепло, когда такая же красивая и надежная крыша возляжет на эти циклопические стены... И опять глядим мы в его лицо, — не коснулись ли тяжелые заботы его душевной молодости. И хотя мы помним, когда прочертилась там каждая морщинка и при каких условиях побелела каждая прядь его волос, мы спокойны за будущее своей страны и своего вождя. — Орлы не стареют, нет таких песен на свете про старость горного орла! С годами лишь уверенней опирается о ветер его широкое крыло. И чем сильней задувает встречная буря, тем стремительней ввысь подымается орлиная стая вслед за своим вожаком. — Пусть любовь народная охранит его от человеческих бед!

Что ж, посмотрелись, и в дорогу. Хороша, ясна, заманиста снежная даль юности. Много у ней славного пути впереди. Пусть веселит кровь, жжет нам щеки докрасна морозный ветерок: это и есть жизнь. А ну, хлестни своих коней, возница!

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

КОПИРОВАНИЕ
27.05.03

Цена 10 коп.

1398

Р?